

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

ЗОЛОТО
ВИЛЬГЕЛЬМА

Фазиль Искандер

Золото Вильгельма

«ЭКСМО»

Искандер Ф. А.

Золото Вильгельма / Ф. А. Искандер — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-41972-2

«... – А ты сидел? – спросил у него один из певших. – Нет, – искренно признался он, но лучше бы не признавался. Последовал буйный взрыв негодования, а один из них все рвался расправиться с ним. Его едва удержали. – Это наша песня! – кричал он. – Тех, что получали срока! Может, автор ее гниет под Магаданом, а ты, падла, присвоил его песню. В сущности говоря, это был комплимент, который чуть не стоил ему жизни. Песня действительно прекрасна. ...»

ISBN 978-5-699-41972-2

© Искандер Ф. А.

© Эксмо

Содержание

Фазиль Искандер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Фазиль Искандер Золото Вильгельма

Это случилось в брежневскую эпоху. Сравнительно молодой историк Заур Чегемба (сравнительно с кем?) в сравнительно веселом настроении (сравнительно с чем?) влез в пригородный поезд, мчавшийся в Москву. Субботу и воскресенье он провел на даче своего друга. Там он хорошо поработал и отдохнул и теперь к вечеру возвращался в Москву. День выдался необычайно жарким, и, хотя вечерело, жара не спадала.

Вагон электрички, в который он влез, был переполнен, и духота в нем стояла неимоверная. Не только все места были заняты, но и все проходы были забиты. Но как раз когда он входил в вагон, один из пассажиров, стоявший у приоткрытого окна слева от входа, стал протискиваться к выходу, и Заур, несколько стыдясь вороватости своего намерения, протиснулся навстречу и встал на его место рядом с женщиной с тихими, усталыми глазами.

Поезд с грохотом рванулся дальше, стоявшие в проходах пошатнулись, но все цепко удержались на ногах. Заур тоже употребил немалые усилия, чтобы не притолкнуться к женщине, стоявшей рядом с ним.

Это был обычный летний воскресный вагон электрички. Все москвичи, которым было куда выехать из душного города, теперь возвращались домой. В вагоне было много пьяных, достаточно крикливо настроенных, были и такие, которые запаслись бутылками для опохмеля и сейчас мирно и даже благостно попивали из горла: после водочной пахоты – винный отдых. Еще больше было похмельных мужиков, которым было нечем опохмелиться и потому исполненных раздражения и ненависти ко всем остальным пассажирам.

При всем при этом среди пассажиров было немало женщин, прижимавших к груди детей или букеты с полевыми цветами. Многие читали книги. Среди них были и такие, которые, покачиваясь по ходу поезда, стоя в проходах, упорно продолжали читать.

Среди читавших явное большинство составляли женщины. Глядя на все это и как бы мысленно охватывая всю эпоху, Заур подумал: мужчины дичают быстрее. Гнет исторического бездействия в основном ложится на мужчин, думал Заур, потому они так много пьют, чтобы забыться, чем еще больше усугубляют свою общественную анемию.

В дальнем конце вагона какая-то молодежная компания, явно под градусом, пела песни о скитаниях по тайге, о долгих зимах, о людях, оторванных судьбой от семьи и Большой земли.

Можно было подумать, что это фольклор, созданный заключенными, но на самом деле эти песни, за редким исключением, сочиняли вполне интеллигентные геологи, мореплаватели и вообще люди скитальческих профессий.

От злой тоски не матерись,
Сегодня ты без спирта пьян.
На материк, на материк
Ушел последний караван.

Пели ребята, скорее всего не подозревая, что эту песню создал известный океанограф и поэт. Заур случайно был с ним знаком. Этот океанограф, избородивший все океаны Севера и Юга, однажды на севере в ресторане услышал свою песню, которую пели рядом с ним за столиком. Он не удержался и признался поющим, что это его песня. В ответ он не только не услышал благодарности, но его чуть не зарезали.

– А ты сидел? – спросил у него один из певших.

– Нет, – искренно признался он, но лучше бы не признавался.

Последовал буйный взрыв негодования, а один из них все рвался расправиться с ним. Его едва удержали.

– Это наша песня! – кричал он. – Тех, что получали срока! Может, автор ее гниет под Магаданом, а ты, падла, присвоил его песню.

В сущности говоря, это был комплимент, который чуть не стоил ему жизни. Песня действительно прекрасна. Вообще, давно замечено, что в России интеллигенция и народ охотно поют фольклор заключенных и песни, написанные в духе этого фольклора.

Тюремная тоска в условиях тоталитарного режима понятна и близка всем. Она близка даже тем, кто сам поддерживает этот режим. По-видимому, во время звучания этих песен они тоже чувствуют себя жертвами исторических обстоятельств.

Поезд грохотал в сторону Москвы, и машинист, словно сам был пьян, резко тормозил на станциях и резко набирал скорость. Хотя некоторые окна были открыты (остальные невозможно было открыть), духота в вагоне принимала взрывоопасный характер. И эта взрывоопасность исходила в основном не от пьяных, а от похмельных, которым нечем было опохмелиться. Видимо, они пили в субботу, пили в воскресенье с утра и теперь, трезвея, были исполнены тихой ярости. Сжатые сосуды жаждали расшириться, хотя бы за счет мускульного напряжения.

Через какое-то время Заур вдруг обратил внимание на то, что некий человек, стоявший в нескольких шагах от него в проходе, уставился на него ненавидящими глазами. На вид ему было лет тридцать пять, он был высок, в аккуратном сером пиджаке и почему-то, несмотря на жару, в мягкой шляпе.

Судя по лицу, он был простым рабочим. Но шляпа его несколько возвышала над представлением о простом рабочем. Может быть, он был бригадиром или начальником цеха. Высокий, он смотрел поверх людских голов, как поверх станков. Но теперь он уставился на Заура, как бы обнаружив в этом станке злокачественную неисправность.

Он тоже был в состоянии похмельного раздражения, но почему он избрал своей мишенью Заура, было непонятно. То ли по чертам лица Заура было видно, что он кавказец, то ли потому, что он в руке держал кейс и это выдавало в нем интеллигента. В те времена люди неинтеллигентных профессий такие чемоданчики не носили. Скорее всего, и то и другое удваивало его злобу.

После одной особенно резкой остановки, когда стоявшие в проходах сильно покачнулись, а кое-кто, вскрикивая, даже свалился, Заур так шатнулся в сторону женщины, что чуть не коснулся ее, однако же, изо всех сил спружинив ногами, все-таки не коснулся. И тут человек в шляпе дал выход своей ярости.

– Что ты навалился на женщину, паскуда, – крикнул он, побелев глазами, – не видишь, что женщина беременна?!

– Я ни на кого не навалился, – ответил Заур, – нечего кричать.

Заур посмотрел на женщину. Если она и была беременна, это было незаметно. Лицо женщины выражало стыд и страдание. Она умоляюще посмотрела на человека в шляпе.

– Уймись, Паша, – тихо сказала она, – на меня никто не наваливался.

– Я же видел своими глазами, что навалился, – крикнул человек в шляпе, – ...их мать, понаехали сюда!

– Паша, – страдальчески вырвалось у женщины.

У Заура все внутри похолодело. Матерную ругань в свой адрес он никогда не мог выдерживать. Но и ответить ему тем же здесь, в присутствии женщин, он не мог.

– Попридержи язык, здесь женщины, – только и сказал Заур.

– Я тебе попридержу язык, чучмек, только сойдем с поезда, – прохрипел человек в шляпе и снова матерно выругался.

– Паша, перестань, – опять тихо взмолилась женщина. Заур огляделся. Некоторые пассажиры с откровенным любопытством следили, что будет дальше. Те, что читали, в основном

сделали вид, что так увлечены текстом, что ничего не замечают. «Читать, – с горечью подумал Заур, – это способ заглядывать в случившуюся жизнь, чтобы замаскироваться книгой от окружающей жизни. Читающий книгу во время преступления как бы юридически находился в другой жизни».

А некоторые из пассажиров с комическим оцепенением уставились в одну точку, словно застигнутые необыкновенной мыслью, уносящей их в потусторонние сферы. Но они-то как раз внимательнее всех прислушивались к развитию скандала: оцепенение лица выдавало сосредоточенность ушей.

Заур стоял ни жив ни мертв. Этот тип в шляпе явно хотел подражаться, но такое Заур никак не мог себе позволить. Дело в том, что в кейсе у него лежали необыкновенные документы, которые не позволяли ему рисковать. Это были подробные выписки из жандармских докладов. Ища совсем другие материалы, он случайно наткнулся на них в одном из московских архивов. Это были доклады о связи Ленина с вильгельмовским золотом. Слухи о деньгах Вильгельма в помощь большевистской революции ходили всегда. Но точно об этом ничего не было известно.

Заур верил, что это могло иметь место. И его удивляла ярость, с которой большевики всегда отрицали эти слухи. Казалось бы, по логике самой мировой революции, начатой в России, не должно было видеть в этом большую аморальность. То, что творилось во время революции и после революции в самой России, было в тысячу раз аморальнее. Но этого большевики не отрицали, считая все жестокости, царившие в стране, естественным следствием революционного правосознания. Но слухи о золоте Вильгельма в помощь революции всегда рассматривались как злобная клевета, и заикнуться об этом было нельзя.

И вдруг Заур наткнулся на документ, где перечислялись суммы выданных денег, конкретные немецкие чиновники, которые выдавали эти деньги, и конкретные революционеры, через которых деньги проникали в Россию. И даже прослеживалось несколько путей путешествия этих денег.

И как раз сейчас, находясь на даче друга, он писал об этом статью. Разумеется, он понимал, что ее никто сегодня не опубликует и было бы самоубийственно показывать ее в какой-нибудь журнал. Но он был уверен, что эра большевиков кончается и он еще застанет другую эпоху, где его статья пригодится, хотя и тогда не всем понравится.

Главная мысль статьи заключалась в том, что большевикам с самого начала было присуще имперское сознание, хотя сами они этого не понимали. И потому, отрицая патриотизм, согласно своей формальной доктрине, они с псевдопатриотическим неистовством всегда отрицали золото Вильгельма, хотя чудовищный свой террор легко оправдывали как историческую необходимость. И поэтому, по иронии истории, большевики, сокрушившие одряхлевшую империю, объективно были единственной силой, способной ее воссоздать. Империя для своего сохранения нуждалась в новой вывеске, чтобы оправдать новую энергию соединяющего гнета. И то и другое она получила от большевиков. И поэтому, отрицая золото Вильгельма, большевики, сами того не осознавая, проявляли имперское самолюбие, а не революционное.

И вот выписки из этих жандармских документов и черновик статьи лежали у него в кейсе. И он понимал, что никак не может рискнуть вляпаться в какую-нибудь историю, иначе кейс его попадет в милицию, а оттуда, конечно, в КГБ. И сейчас чувство оскорбленной чести и чувство самосохранения разрывали душу Заура. Но чувство самосохранения побеждало, и чем явнее оно побеждало, тем сильнее он ощущал свою униженность и презрение к себе.

Но этот тип в шляпе, конечно, по-своему понимал его сдержанность и всю дорогу его оскорблял, и люди, сидевшие и стоявшие вокруг, с подлым любопытствующим нейтралитетом прислушивались к нему. И только время от времени раздавался горестный голос женщины, стоявшей рядом с Зауром:

– Паша, отстань! Паша, прекрати! Замолчи, Паша!

Но голос его жены (конечно, эта женщина была его женой) его как будто подхлестывал. Он как бы говорил жене: «Ты видишь, ты видишь, как этот интеллигентшишка отступает!»

О, если бы Заур был свободен! Он в юности занимался боксом и знал, что такое его удар справа! Но Заур из всех сил сдерживался, хотя время от времени что-то ему отвечал. Но он все время помнил, что дело никак нельзя доводить до драки: кейс попадет в руки милиции! И тогда затаскают или посадят!

Если хотя бы не было черновиков его статьи, исключавших всякое оправдание выписок из жандармских докладов!

А человек в шляпе продолжал его оскорблять. И вдруг откуда-то из середины вагона высунулся какой-то парень в голубой футболке, обтягивающей его мощные мускулы, и крикнул человеку в шляпе:

– Замолчи, падло, или я из тебя котлету сделаю!

Голос его благоуханным маслом омыл душу Заура.

– Я сам из тебя котлету сделаю, – крикнул в ответ человек в шляпе, – еще русский называется! Из-за таких мандавошек, как ты, они нам на голову сели!

– Ты сегодня так от меня не уйдешь! – крикнул парень и пригрозил ему кулачищем. У него было широкое разгоряченное лицо, и чувствовалось по глазам, что он еле-еле себя сдерживает.

– Иди, иди, целуйся с ним, пидор! – крикнул человек в шляпе.

В отличие от парня в футболке, явно горячившегося, человек в шляпе сохранял какую-то злобную невозмутимость. Никакой жестикуляции. Все это время он был неподвижен. Он сейчас и на этого парня смотрел как бы поверх станков.

– Паша, прекрати, – опять взмолилась женщина, стоявшая рядом с Зауром.

– А вот за это еще отдельно получишь! – крикнул парень в футболке и опять, сотрясаясь всем телом, пригрозил ему кулачищем.

– Это еще посмотрим, кто получит, – ответил человек в шляпе и крепче надвинул ее на голову. Единственный жест.

Однако теперь он перестал обращать внимание на Заура. Поезд грохотал и грохотал в сторону Москвы под неугомонные песни молодежи в том конце вагона, где, конечно, не знали о том, что случилось здесь.

До Москвы оставалась еще одна остановка, и Заур немного успокоился, крепче сжимая свой кейс. «Я тоже хорош, – думал он о себе с отвращением, – протиснулся к окну, хотя на это имели право те, кто раньше пошел в вагон. Вероятно, ничего бы не случилось, если бы я не стоял рядом с его женой. И как можно жить, считая себя порядочным человеком, после таких оскорблений», – уныло думал он. И все-таки одновременно с этим он был доволен, что кейс не попал в чужие руки. Кроме всего, и документ было жалко: такой редкий, такой неожиданный.

Наконец поезд подъехал к московскому вокзалу. Толпа со страшной силой еще до остановки поезда стала напирать в сторону выхода. Уже потеряв из виду обидчика, весь излупцованный пережитым, выжатый толпой, Заур оказался на перроне. И вдруг перед ним завихрилась новая толпа, из которой одни выбегали, а другие вбегали. И он, вспомнив все, ринулся в толпу.

Спортивный парень в голубой футболке дрался с человеком в шляпе. Это было жуткое по своей беспощадности зрелище. Парень в футболке несколько раз налетал на человека в шляпе, и смачный стук ударов звучал над толпой.

И более всего Заура поразила смертельная ненависть с обеих сторон. Казалось, оба всю жизнь жаждали увидеть друг друга, чтобы убить друг друга. Ни тот ни другой нисколько не заботились о защите и только стремились ударить поразмашистее. И еще более поразило Заура, что человек в шляпе ничуть не уступал этому молодому парню с мощными мускулами под футболкой.

Какие-то люди, мгновениями выскакивая из толпы, пытались их растащить, но они оба вырывались из рук и налетали друг на друга. И уже в ход пошли даже ноги.

Какая-то женщина внезапно выскочила из толпы и, пытаясь удержать парня в футболке, обеими руками спереди обняла его. Видно, она была близка ему, так обхватить чужого человека посторонняя женщина не решилась бы.

Человек в шляпе, подлейшим образом воспользовавшись этим, успел крепко врезать парню в футболке. Тот ринулся вперед, женщина отлетела, и парень в футболке нанес противнику два сокрушительных удара. Заур был уверен, что тот сейчас грохнется на перрон, но тот даже не пошатнулся, и, главное, шляпа почему-то держалась на его голове, как будто была прибита к ней гвоздем. Хотя человек в шляпе мощно размахивал руками, тело его оставалось прямым и неподвижным, а лицо хладнокровным. А парень в футболке был горяч, гибок, спортивен, но, вероятно, он не тем видом спорта занимался.

Заур заметил, как этот парень несколько раз терял драгоценные секунды на размашистые удары там, где нужно было бить коротким прямым в подбородок.

И как Заур ни болел за этого парня в футболке, который из-за него затеял драку, он вынужден был признать, что это бой равных. И более всего в этой драке поражала сила ненависти противников друг к другу и совершенно необъяснимая устойчивость шляпы на голове этого оболтуса.

Внезапно раздались возгласы: «Милиция! Милиция!» – и трель милицейского свистка прорезала воздух. Толпа вместе с дерущимися мгновенно разорвалась на клочья. Заур пошел в сторону метро. Через несколько шагов он увидел двух милиционеров, бодро шагающих к месту драки, где драки уже не было. И вдруг в толпе впереди себя Заур увидел этого типа в шляпе, преспокойно идущего рядом со своей женой. Заур остановился и, когда тот затерялся в толпе, пошел дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.